

ЧЕЛОВЕК НА ЧЕМОДАНАХ

— Я, как и много других известных людей, являюсь доверенным лицом Ельцина, помогая ему в предвыборной кампании. Я вообще никогда и никаким образом не был в политике. Но в определенный момент во мне проснулся некий инстинкт самосохранения, предчувствие опасности. Просто выбора нет. Я слишком здравомыслящий человек.

— Тогда чем же был вызван в 92-м ваш отъезд в США — вроде бы тогда уже капитализм наступал?

— Лично я и мой круг людей всегда об этом мечтали. Но когда это произошло, мы были шокированы — потому что пришел не капитализм, а нечто другое. Капитализм в кавычках. Я мечтал о нормальной человеческой жизни — когда можно, как сегодня, выйти и выпить пивка какого хочешь — жизни, соответствующей твоим возможностям. А возможности у меня были достаточно большие. К тому же в то время в моей области — в кино и театре — все пошло на убыль. Песни стали писать все кому не лень, кино снимать осветители, ассистенты становились продюсерами, а басисты — композиторами. Среди этой самостоятельности профессионалам стало грустно. И мне тоже. Не потому что я старый, а потому что в меня было вложено слишком много: и преподавателями, и учителями. И поехал я на поиски собственного счастья. И, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. В Америке ставился спектакль-мюзикл на мою музыку. И я поехал на его премьеру.

— И премьеры кончилась открытием собственного бизнеса...

— Я пытался заниматься бизнесом, а этого мало. Потому что в каждом деле должны быть профессионалы: и в музыке, и в бизнесе. Я продержался на плаву, но это не сделало мне чести как бизнесмену. И я понял, что моя профессия, мои знания и музыка — это лучше для меня, это больше мое. И это гораздо лучше поит и кормит меня.

— Проживая в Америке, вы пробовали писать музыку к американскому видео?

— Я не буду врать, как это делают многие, представляя свою заокеанскую жизнь сладкой. Конечно, я пытался сделать там то, что я делаю здесь и делаю лучше многих. Но, во-первых, этот рынок в Америке занят. Сильно занят. Кем? Очень большой группой сильных композиторов, которых и используют режиссеры. А во-вторых, я композитор в суперзрелом возрасте, у которого большой послужной список: композитор такого ранга не ходит и не предлагает, он сидит и сам ждет, когда к нему придут с предложениями. Американцы не могут мне предложить написать музыку к какому-нибудь сериалу или видео — просто не могут предложить по рангу. Это удел молодого начинающего композитора.

— Вы всегда утверждали, что работаете только с элитным рангом звезд. Но сейчас вы ведь пишете и для Тани Булановой, которая не входит в эту категорию...

— Человек состоит из убеждений и опровержений. Слава Богу, я не политик... А для Тани Булановой я все-таки сделал альбом, хотя и с большим скрипом: она требовала только то, что она хотела. Если бы она доверилась моему опыту работы с десятками исполнителей и раскрутки многих из них, альбом был совершенно иным.

— Тяжело, однако, работать с российскими звездами?

— Как правило, звезды очень капризны. Они рассчитывают на себя и не понимают, что одна голова хорошо, а две лучше.

— Но ведь есть люди, работа с которыми приносит удовольствие?

— С Караченцовым. Многие смотрят с ухмылочкой: да какой же он певец? Певец, я вам говорю, певец! Гораздо лучше многих других. Во всем мире актеры занимают одно из ведущих мест на эстраде: Челентано, Стрейзанд, Миннелли, Азнавур, Шер. У нас к этому какое-то пренебрежительное отношение — к сожалению, наши продюсеры раскручивают только профурсеток — крутящихся обезьянок, и слишком далеки от того, чтобы понять, кто такой настоящий артист, певец, несущий флюид и понимающий музыку.

— Оплата вашей работы определяется стабильной цифрой? Может быть, она меняется в зависимости от популярности или от кредитоспособности артиста, с которым вы работаете?

— Конечно, у меня есть внутренняя планка, ниже которой я не опускаюсь. Вполне средняя и вполне нормальная. Но я никогда за нее не держусь. Я знаю многих композиторов, которым просто — вынь и положи! А если не получится? Просить деньги только за одно имя? Кроме того, есть артисты, которым нужно просто пойти навстречу, помочь: я и бесплатно пишу. В творчестве главный критерий: получилось и не получилось. Если получилось, тогда можно спорить о цене. Но если не получилось, тогда все стоит выбросить в корзину.

— Часто вам приходится выбрасывать в корзину?

— Очень часто. (Потому что я никогда не позволю себе выдать полуфабрикат.

Однажды на рассвете его разбудило душераздирающее хоровое пение под окном. Пьяные мужики во всю глотку орали: "Пора-пора-порадуемся на своем веку-у-у..." И хотя пробуждение под такой соул не самое лучшее в жизни пробуждение, все-таки приятно было осознавать, что будят тебя песней, написанной тобой. Вот оно, всенародное признание! И затем, как на картинках Бидструпа: сочинил шлягер, записал, первое время умилялся, слыша его из соседских окон, по радио, в баре, на ТВ. А потом чуть в сумасшедший дом не попал. Ну у Бидструпа гротеск, а в жизни... А в жизни пришла Пугачева и сказала: "Я большего преследующего кошмара, чем "Пора-пора-порадуемся...", не знаю..." "Кошмар" сочинил Максим ДУНАЕВСКИЙ. Самый богатый композитор: 60 фильмов, 15 мюзиклов, более 100 спектаклей и около 300 песен.

Шесть жен. Музыкальная фирма (в Америке). Дача, "Москвич", рояль (в России).

Раскрутка Михаила Боярского, Павла Сляйна, Жанны Рождественской. Десятки песен в хит-парадах.

И еще он "доверенное лицо кандидата в президенты" — ни много ни мало!

— А в меркантильном плане когда композитору было легче: когда у нас в стране не было рынка шоу-бизнеса, или наоборот, сейчас?

— Знаете, я недавно был в гостях у Тихона Николаевича Хренникова. И вместо того, чтобы увидеть желчного старичка, который мечет гром и молнии по поводу нашего времени, я увидел 83-летнего, пышущего здоровьем человека, очень живого, очень энергичного, очень творческого, который был весь в работе. Я спросил: как живется, Тихон Николаевич? Он сказал: "Очень хорошо, и я не хотел бы возвратиться в то время. Вы знаете, я никогда столько денег не зарабатывал". Представляет, это говорит человек, который, казалось бы, в наше время лишился всех привилегий и всего того, что он имел как номенклатура!

— Как создается песня: слова пишутся на музыку, музыка на слова?

— И так, и так. В последнее время я предпочитаю писать музыку на слова.

— А кто для вас является первой инстанцией?

— Как правило, поэт. Раньше этой инстанцией была мама, она умерла два года назад. Мама была музыкальный человек от природы, долго прожила с моим отцом, и, конечно, у нее был большой домашний слушательский опыт. Она была очень резким критиком, и я ее очень боялся. Она мгновенно находила изъяны: это на что-то похоже, это у меня уже было, эта песня не будет хорошей! Что касается жены... или других жен... Моя теперешняя жена певица, но я стесняюсь. С одной стороны, мнение у нее как у профессионала объективно, а с другой стороны, если я работаю для какого-то певца или певицы — ее мнение может быть немножко ревностным. Любая женщина говорит: "А почему же ты для меня такой песни не напишешь?" или: "Для меня ты так не делаешь!"

— Скажите честно, вас заставляли заниматься музыкой в детстве?

— Да. Потому что я любил спорт. А когда умер отец, я увлекся музыкой. У моего сына похожая история. Когда он бросил музыку, я не огорчился: перед глазами был собственный пример. Ему сейчас 13 лет, он живет в Лос-Анджелесе, учится в великолепной голливудской актерской школе. И вдруг как-то раздается звонок и басом (мой сын заговорил басом!) — так что я его не узнал — сообщил, что играет в рок-группе: пишет музыку и стихи на английском. Я немедленно к нему отправился и увидел, что он совершенно болен музыкой. Он так и сказал: дедушка музыкант, папа музыкант, а я что же?

— Интересно, что вы чувствуете, когда слышите свою музыку из проезжающего мимо авто?

— Мне очень приятно. Вообще, слава человеку приятно всегда.

— А отсутствующие славе госпремии, награды, регалии вы имеете?

— Зимой вроде подавали на звание, но я до сих пор не знаю: получил ли я его. Я так напуган советской действительностью, что отношусь ко всем званиям очень скептически и даже пренебрежительно. При чем здесь звания: в Америке же нет званий! Я вообще очень неприхотливый человек. Живу по гениальной японской мудрости: чистое небо над

Фото Александра ИЗОТОВА.

головой и самая простая пища.

— Вы что же, несчастливый человек?

— Гм... У меня есть здоровое честолюбие. Полностью отсутствует властолюбие. И тщеславие: когда нужно идти по тругам и делать все, чтобы прорваться, — нет и нет. В отличие от тех многих провинциальных мальчишек из моей профессиональной области, которые сегодня прорвались в тузы, попирая все законы нравственности и морали.

— Что вы имели в виду, говоря о здоровом честолюбии?

— В профессиональном плане мне достаточно того, что меня уважают. Со мной считаются. Когда говорят: "Ну, Дунаевский — это профи!" А как мужчина, например, я хочу видеть расположение женщин. Для этого нужно что-то предпринимать — быть интересным, энергичным, в хорошей физической форме и, конечно, уметь обращаться с женщинами.

— У вас было шесть жен! Обычно мужчины останавливаются на третьей.

— Каждый раз я был уверен, что делаю то, что надо. Но каждый раз по каким-то причинам все разрушалось. Трудно объяснить, почему. Я не могу себе приписать ни излишнего легкомыслия (наоборот, каждый раз это говорит лишь о серьезности моих намерений), ни излишней серьезности (потому что, если жить с одной женщиной, нужно терпеливо преодолевать трудности). Может быть, раньше мне мешала молодость: когда хочется прыгать дальше и не хочется преодолевать трудности. А потом, видимо, какие-то жизненные коллизии. Можно, конечно, сказать, что мне не везет. Но с другой стороны, с большинством женщин, с которыми я был и жил, у меня сейчас прекрасные отношения. Это мое богатство. Хотя во всем этом есть один большой недостаток: я все время как на чмодаках. Какое-то временное жильё. Ощущение временности пребывания. Надеюсь, вскоре это ощущение исчезнет. Видимо, здесь все дело в способности мужчины удерживать женщину.

— Вы считаете, что женщину нужно удерживать?

— Конечно! Это очень редкая способность — уметь удерживать женщин, и я знаю пару примеров. Но как удерживать? Это вопрос. Загадка. Со временем происходит что-то, какие-то тенденции, которые портят отношения: один из двух становится более капризным, требовательным...

— И что вы делаете, когда вам надоедают и женщины, и отношения?

— Еду на дачу. Закрываюсь. И либо работаю, либо вообще ничего не делаю, играю в теннис.

— У вас были вещи, написанные под впечатлением какого-то сильного душевного потрясения?

— Одно из лучших моих сочинений — "Мэри Поппинс, до свидания!" — написано на пике любви. К кому? К той, что снялась в главной роли. И вторая работа — в фильме-балете "Там, где нас нет". На пике полного разрушения отношений. С той же женщиной.

— Сама Андрейченко оценила эти провалы?

— Первый да, второй нет. (Смеется.) Сейчас у нас прекрасные отношения. И общий сын.

Виктория САРЫКИНА.